
Т. Г. Паникаровская

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ ПАРФЕНКИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В советскую эпоху, как известно, особенно активно протекают процессы изменения говоров под воздействием литературного языка. Однако исследований, освещающих на конкретном материале упомянутые процессы, мало, несмотря на то, что эта проблема представляет для науки значительный интерес. Можно упомянуть, например, исследования Н. М. Каринского¹, С. С. Высотского², Е. П. Лупповой³, в которых прослеживаются изменения, происшедшие в говорах за 30—40 лет. Н. М. Каринский, как известно, дважды обследовал говор деревни Ванилово Московской области: в 1903 и в 1932 годах; С. С. Высотский наблюдал в 1945 году говор деревни Лека (бывшей Рязанской губернии, ныне Московской области), обследованный А. А. Шахматовым в 1912 и 1915 годах; Е. П. Луппова проследила изменения в произношении гласного *о* в неударном положении, а также гласного на месте дрезнего «*ятъ*» в говорах северного Приволжья, сопоставив наблюдения Н. М. Каринского, относящиеся к 1911—1913 годам, со своими наблюдениями 1954—1955 годов.

В предлагаемой статье рассматриваются изменения, которые произошли в фонетической системе говора деревни Парфенки Истринского района Московской области в советский период.

Говор деревни Парфенки бывшего Рузского уезда Московской губернии, детально изученный в конце XIX — начале XX века Н. Н. Дурново⁴, весьма интересен для повторного лингвистического обследования (оно было предпринято нами в 1950—1955 годах), так как сопоставление данных Н. Н. Дурново с

современными данными позволяет на конкретных фактах проследить изменения, которые произошли в говоре за пятьдесят с лишним лет. В общем плане об этих изменениях говорилось в нашем докладе на X Диалектологическом совещании в Москве⁵.

Не предполагая в данной статье всесторонне характеризовать звуковую систему изучаемого говора⁶, одного из «восточных среднерусских говоров»⁷, типичного для говоров Западного Подмосковья⁸, в современном его состоянии, попытаемся дать более детальную по сравнению с содержащейся в упомянутом докладе характеристику тех изменений, которые претерпела звуковая система говора за пятьдесят с лишним лет.

Влияние литературного языка (преимущественно его устной формы) на наш говор наблюдалось уже в конце XIX — начале XX века. В тот период оно обуславливалось, прежде всего, территориальной близостью Парфенок к Москве и ролью той части населения, которая занималась отхожими промыслами, главным образом, извозом в Москве. (Уже в первой половине XIX века в Рузском уезде не было селений, где крестьяне занимались бы только хлебопашеством)⁹. В эпоху развития капитализма в России основными факторами, определяющими развитие говоров в сторону сближения с «общенародной формой разговорного языка», — замечают В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова¹⁰, — были: непосредственная близость к городам и промышленным районам и роль населения, которое занималось отходничеством. Одним из путей влияния литературного языка на говор была школа. В конце XIX века грамотных среди мужчин в Парфенках было, по свидетельству Н. Н. Дурново¹¹, не многим больше половины.

Влияние литературного языка на говоры (в том числе на изучаемый) заметно усилилось после Великой Октябрьской социалистической революции, что было обусловлено, прежде всего, социалистической реконструкцией сельского хозяйства, широким развитием народного образования, подъемом культуры. В эпоху существования социалистического государства воздействие общенародной формы языка на говоры приобретает планомерный характер¹².

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что большинство диалектных явлений, отмеченных Н. Н. Дурново, сохраняется до сих пор, несмотря на то, что в говоре произошли существенные изменения, вызванные прежде всего воздействием на последний норм литературного языка. Разумеется, разные группы

населения в разной степени испытывают это воздействие. Многие диалектные явления характеризуются относительной устойчивостью, но и они не прослеживаются сейчас последовательно. Колебания нормы возможны даже в речи одного и того же информатора. Относительная устойчивость фонетических диалектных явлений обращала на себя внимание исследователей¹³.

Изучаемый говор утрачивает диалектные особенности под воздействием литературного языка медленно и постепенно, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные факты длительного сосуществования в говоре диалектной и литературной норм.

Так, например, умеренное яканье, выдерживавшееся в говоре нестрого уже в конце XIX — начале XX века, характеризует речь преимущественно старшего поколения и в настоящее время, однако оно заметно идет на убыль под влиянием икающего литературного произношения. Н. Н. Дурново писал: «...рядом с 'а может явиться и в первом предупредительном слоге после мягких согласных перед твердыми (а после ж и ш — ы), независимо от окружающих условий... Установить здесь какие-нибудь правила, при каких условиях чаще а, при каких — и, кажется, нельзя...»¹⁴. «В настоящее время этот говор, — писал Н. Н. Дурново, — находится в переходном состоянии от сильно акающего ('а перед твердой согласной) — имеется в виду умеренное яканье — к умеренно акающему ('и во всех положениях перед ударением) — имеется в виду иканье... Говор стариков — сильно акающий; дети тоже склонны к сильному аканью, но среди взрослой молодежи, даже и не жившей в Москве, иногда замечается склонность к умеренному аканью (то есть иканью, — Т. П.). Впрочем, разная степень аканья состоит, кажется, не столько в зависимости от поколения, сколько от принадлежности говорящего к той или другой семье»¹⁵.

В. Н. Сидоров отмечал, что в двадцатых годах господствующим типом яканья в западной половине бывшего Воскресенского уезда, на территории которого находилась бывшая Ново-Петровская волость, являлось умеренное яканье. Картина яканья на описываемой территории, — замечает В. Н. Сидоров, — сильно запутывается под влиянием городского (московского) произношения. В больших торговых селах и деревнях такое влияние особенно сильно. Молодое поколение, например, в Ново-Петровском уже не якает, а по-городскому икает... Иканье проникает почти в каждое селение, и даже у лиц с отчетливо выраженным типом яканья можно услышать рядом

с якающим видом слова произношение с иканьем: *в'асной* и *е'исной*, *йаво* и *йиво*, *цв'аты* и *цв'иты* и т. д.»¹⁶.

В настоящее время даже в речи старшего поколения населения Парфенок отмечено совпадение гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми как в гласном 'а (все-таки чаще), так и в гласном и. Такое колебание нормы возможно в речи одного и того же лица. В речи молодежи, обучающейся в школе или окончившей среднюю школу, а также в речи грамотных людей среднего поколения яканье, как правило, отсутствует. Молодое поколение часто сознательно стремится избегать якающего произношения¹⁷.

Разрушению умеренного яканья в изучаемом говоре способствуют, по-видимому, и следующие внутренние закономерности его фонетической системы: во-первых, характерной особенностью умеренного яканья в нашем говоре является то, что перед твердыми шипящими *ж*, *ш* в первом предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъема постоянно совпадают в гласном *и* независимо от того, какой гласный находится под ударением, то есть шипящие, бывшие некогда мягкими, оказывают такое же влияние на гласный первого предударного слога, как и мягкие согласные: *л'ижу*, *сп'ишу*, *д'ишóвэй*, *с'т'ьр'ижот*, *р'ишат'* и т. д. Это явление, как известно, нередко наблюдается в среднерусских говорах с умеренным яканьем¹⁸.

Во-вторых: своеобразное «отклонение» от закономерностей умеренного яканья, заключающееся в том, что группа согласных, из которых первый твердый, а второй мягкий, влияет на гласный первого предударного слога в нашем говоре как один мягкий согласный: *б'ьриглы*, *лиглы*, *н'с'т'икл'э*, *скриблы*, *п'визлы*, *нислы* и т. д. Это своеобразное «отклонение» от системы умеренного яканья одни исследователи объясняют действием морфологической аналогии (В. Г. Орлова¹⁹, Р. И. Аванесов²⁰), другие (Л. Н. Булатова²¹, В. Н. Сидоров²²), напротив — причинами фонетическими. Р. И. Аванесов полагает, что лишь в некоторых словах появление гласного *и* в первом предударном слоге перед группой согласных, начинающейся с твердого согласного (например, в формах типа «*пикли*») может быть и фонетическим, так как некоторые из твердых согласных перед мягкими в прошлом были в какой-то мере мягкими, в частности, заднеязычные *к*, *г*.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что яканье наблюдается не во всех деревнях из числа окружающих Пар-

фенки в радиусе приблизительно 5 км. Так, например, в деревнях Курове и Назарове, расположенных соответственно на расстоянии 1,5 км на восток и 2,5—3 км на северо-восток от Парфенок, яканья нет даже в речи старшего поколения местных жителей. Замечания о том, что говор жителей дер. Курово (выходцев из бывшей Орловской губернии) отличается от говора жителей деревни Парфенки «более умеренным аканьем» (имеется в виду произношение гласных первого предударного слога после мягких согласных), «ближе к московскому», — находим в монографии Н. Н. Дурново²³.

Расшатывают систему умеренного яканья и слова, проникающие в лексику изучаемого говора из литературного языка: в них яканье, как правило, отсутствует. Примеры: *звинó, зьсидáн'иь, лъсивнáйъ, пр'ьтсидáтил'* и т. д.

Факультативное в прошлом изменение мягких заднеязычных *к', г'* соответственно в переднеязычные *т', д'* перед гласными переднего ряда отмечено и сейчас, преимущественно в речи пожилых женщин²⁴, как в корнях слов (*тíнулъ, тир'нич', тíслъй, тин'атóк, дърад'иь, б'ьзразд'ибу, над'бли*), так и на стыке морфем (*д'эфт'и, р'ути, вза'лти, нóди, вастрóди, здарóди*), однако выдерживается нестрого. Отмечено это явление и в словах иноязычного происхождения. Например: *тинó, дихтáр* и т. д. Упомянутое изменение известно многим подмосковным говорам²⁵. Повсеместное распространение изменения согласных *к', г'* в *т', д'* перед гласными переднего ряда наблюдал В. Н. Сидоров²⁶ в говорах западной половины бывшего Воскресенского уезда, территориально близких к изучаемому. Нет этого изменения, по сведениям В. Н. Сидорова, лишь в отдельных случаях либо в речи молодого поколения, либо в речи людей, живших прежде в городах. Спорадический переход *к', г'* в *т', д'* перед гласными переднего ряда на территории Ново-Петровского района отмечен и С. Галкиной²⁷. По данным архивных материалов Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, переход заднеязычных *к', г'* в переднеязычные *т', д'* наблюдается в говорах Можайского, б. Звенигородского, Клинского, Загорского, Дмитровского и других районов Московской области.

Если в конце XIX — начале XX века мягкие *к', г'* сохранялись в изучаемом говоре, по свидетельству Н. Н. Дурново²⁸, без изменения в *т' д'* в тех случаях, когда они чередовались с твердыми заднеязычными *ж, г* в формах одного и того же слова: ср.: *р'уки — рука́, нóги — ногá*, то в настоящее время это изменение отмечено и в упомянутых случаях, однако под влия-

нием литературной нормы оно наблюдается непоследовательно.

Диссимилятивное изменение взрывных заднеязычных согласных во фрикативные перед взрывными *к, г, т, д*, факультативное в прошлом, по свидетельству Н. Н. Дурново, в положении перед взрывными зубными согласными *т, д* (*кто*—*кто*, *трах-тър*—*трактър*, *гдбму*—*Гдбму*, *гдубу*—*Гдубу*²⁹) и обязательное перед заднеязычными *к, г* (*л'охкѣй, хкаму, хкѣму*),³⁰ в настоящее время наблюдается непоследовательно и перед заднеязычными согласными, особенно перед звонким *г* (ср. *ггѣрѣду*—*Ггѣрѣду*, *ггас'т'ам*—*Ггас'т'ам*), а в лексике, пришедшей в говор из литературного языка, это изменение, за редкими исключениями, отсутствует (Ср. *акты, пункт, прѣдуктивнѣст'* и т. д.).

Переднеязычные твердые зубные согласные подвергаются, как и в прошлом, смягчению перед мягкими губными³¹, однако это смягчение выдерживается нестрого: перед мягкими губными отмечены также (преимущественно в речи молодежи) твердые зубные согласные: *с'мийáлис*—*смийáлис*; *д'в'эри*—*дв'эри*, *в'эт'ви*—*в'этви*. На тенденцию к отвердению зубных перед мягкими губными в изучаемом говоре обратил внимание еще Н. Н. Дурново³². Эта тенденция имеет, по-видимому, общерусский характер, она наблюдается и в современном русском литературном языке³³, где смягчение зубных согласных перед мягкими губными не выдерживается, как известно, в настоящее время сколько-нибудь последовательно.

Как и прежде, факультативно в говоре смягчение твердых зубных в положении перед мягким зубным *л'*: *с'ливъ*—*сливъ*; *вóз'ли*—*вóзли*; *д'лѣннѣй*—*длѣннѣй*; *с'липóй*—*слипóй* и т. д.³⁴

В говоре до сих пор сохраняется этимологическая мягкость согласного *р* (в древнерусском сочетании *ьр*) в положении перед заднеязычными и губными согласными: *в'эр'х*, *с'эр'п*, *п'эр'вѣй*, *в'эр'бѣ* и т. д. Однако наблюдается давняя тенденция (еще Н. Н. Дурново отмечал параллельные формы: *спѣр'ва*—*спѣрва*, а также формы: *царкѣвнѣй*, *д'бргѣт'*—с твердым *р*) к отверждению плавного согласного в этом положении³⁵. Эта тенденция несомненно поддерживается влиянием орфоэпических норм современного русского литературного языка, где согласный *р* перед заднеязычными и губными уже произносится твердо.

Упрощение конечных сочетаний *ст, с'т'* (особенно последнего), известное многим подмосковным говорам и характерное, но не вполне обязательное для изучаемого говора в прошлом³⁶,

является и в настоящее время относительно устойчивой его особенностью, свойственной преимущественно речи старшего поколения носителей говора. Ср.: *влас', жы́рнѣс', мо́лѣдѣс', па-гѣс, захвѣс, нѣдайѣс*. Отсутствие смычного элемента в конечном сочетании *ст* — явление широко распространенное в говорах севернорусского наречия, а также на значительной территории среднерусских говоров к западу от Москвы³⁷. Отклонение от диалектной нормы наблюдаются в лексике, проникшей в говор из литературного языка. В этой лексике сочетания *ст, с'т'* подвергаются упрощению значительно реже. Ср. их сохранение в случаях: *пита́тил'нѣс'т', дахо́днѣс'т', зѣсар'ѣнѣс'т', сп'ѣцыа́ли́ст, ра́ди́ст, фу́дба́ли́ст*. В лексике молодежи под влиянием норм литературного языка и орфографии преобладает сохранение конечных сочетаний *ст, с'т'*.

Некоторые диалектные явления характеризуют в настоящее время только (или преимущественно) речь старшего поколения. Таковы, например, в области согласных: диссимилиативная утрата аффрикатой *ц* фрикативного элемента в слове *ЦВЕТ* и производных: *т'в'эт*. Примеры: *ѣкны запѣхли т'в'ата́ми; ѣра́н' т'в'ит'ѣт; т'в'эт нѣстал'ѣ ста́йт; пла́т'ѣй т'в'ата́стѣй* и т. д. Но и в речи старшего поколения это наблюдается непоследовательно. Случаи утраты аффрикатой *ц* взрывного элемента значительно более редки.

Диссимилиативное изменение аффрикаты *ц* в *т'* или *с'* в слове *цвет* (и производных) было характерно для изучаемого говора, по свидетельству Н. Н. Дурново³⁸, и в прошлом. Наблюдая наш говор в конце XIX — начале XX века, Н. Н. Дурново отмечал, что говору известно произношение слова *цвет* (и производных) и с начальной аффрикатой *ц*, причем употребление звука *ц*, с одной стороны, или звуков *т'*, *с'*, с другой стороны, связано с семантикой слова: слово *цвет* в значении *flos* произносится с начальным *т'*, в значении же *color* — с начальными *ц* (*цв'эт*). Установить, сохраняется ли эта закономерность в настоящее время, трудно, так как благодаря все более усиливающейся воздействию на говор литературного языка эта диалектная черта постепенно утрачивается и слово *цвет* в обоих значениях все чаще произносится с начальным *ц*.

Упомянутое диалектное явление известно многим подмосковным говорам, в том числе говорам Западного Подмоскья³⁹.

Именно в речи старшего поколения отмечено широко известное многим говорам Подмоскья⁴⁰ диссимилиативное изменение

губного носового согласного *м* в сочетании с губными взрывными *б*, *п* в переднеязычный зубной *н* в середине слова: *анба́р*, *канба́йн*, *клу́нбы*, *танбо́скъй*, *ла́нпъ*. Это изменение характеризовало изучаемый говор и раньше. Н. Н. Дурново отмечал в говоре формы *анба́р*, *канпа́ния*, *ку́нпъл* (и *ку́мпъл*), *ла́нпъчка* и пр.⁴¹. В речи молодежи сочетания *мб*, *мп* диссимилятивному изменению обычно не подвергаются: *ла́мпу на́л'йу*, *ба́ра́к ръ́зба́мби́ль*, *къ́мба́йн'о́р рабо́тъит* и т. д. Однако форма *анба́р* устойчива и в речи молодежи.

В речи старшего поколения наблюдается также диссимилятивное изменение сочетания *мн* в *вн* в словах: *внóгъ*, *гувно́*. Это явление отмечено и в песенном языке. Ср.: *уми́н'а на́сва́д'б'и пи́въ ви́на вно́гъ*. Упомянутое изменение было известно нашему говору и в прошлом. Н. Н. Дурново были зафиксированы формы: *в^(м)но́га*, *гув^(м)но́*, *по́в^(м)ни*, *папо́в^(м)ни*... и др.⁴². В настоящее время с сочетанием *вн* отмечены в речи только старшего поколения лишь формы *внóгъ*, *гувно́*, причем в речи одного и того же информатора возможны как формы с сочетанием *вч*, так и формы с сочетанием *мн*.

В говоре отмечено ассимилятивное изменение по способу образования и участию голоса сочетания *вн* в *мн*: *мнуж*, *мнү́ч'къ*, *крóмнъй*, *рамно́* — явление, известное ряду подмосковных говоров⁴³. Упомянутое явление было свойственно изучаемому говору и в конце XIX века, но уже тогда, по свидетельству Н. Н. Дурново⁴⁴, не выдерживалось строго. В настоящее время оно встречается спорадически только в речи старшего поколения.

Заднеязычный фрикативный глухой согласный *х* наблюдается в результате диссимиляции по способу образования в речи старшего поколения в начале слов *крест*, *крестьянин* (а также производных от них) в соответствии с заднеязычным взрывным глухим *к* литературного языка: *хрис'йáни*, *хр'эс'тики*. Молодежь обычно произносит эти слова в соответствии с литературной нормой. Замена взрывного *к* фрикативным *х* в упомянутых словах была известна, по свидетельству П. Я. Черных⁴⁵, московскому просторечию уже в XVII веке. Наш говор знал это явление в конце XIX — начале XX века. Н. Н. Дурново⁴⁶ зафиксировал, наряду с формами *крест*, *крис'тйцъ* и т. д., формы: *хр'бснъй*, *хрэ́сньк*.

Межслоговая ассимиляция согласных наблюдается в речи старшего поколения в словах: *сошник* — *шашни́к*, *шестнадцать* — *шашна́цът'*, *тяжелый* — *ч'ижо́лъй*. В конце XIX века,

по словам Н. Н. Дурново⁴⁷, говор знал также формы: *чичвѣрк* (четверг), *чичвѣртáк* (четвертак), уже неизвестные говору в современном его состоянии.

В ряде слов (на месте общеславянских сочетаний *tj, kt, gt*, перед гласными переднего ряда) в соответствии с *ш'ш'*, литературного языка, как и в конце XIX—начале XX века⁴⁸, наблюдается согласный *ч*: *пѣмъч' ѡпчисвъ, апч'ижыг'йь, авс'ич'у*; на месте общеславянского сочетания *dj* — твердый *ж* (в соответствии с сочетанием *жд* литературного языка): *ад'ѡжъ, ад'ѡжынъ, рѣжаствѡ* (ср.: *нуждá, жáждъ, над'эждъ, ражд'эн'ыц* — уроженец).

Диалектные явления, характеризующие в настоящее время лишь речь старшего поколения носителей говора, — это явления, охватывающие собою, как правило, очень узкий круг слов, то есть явления лексикализованные.

Ряд фонетических диалектных особенностей к настоящему времени уже утратился под влиянием литературного языка. Это го преимуществу, по нашим наблюдениям, те особенности, которые носили остаточный характер уже в конце прошлого века. Так, например, говору уже не известен гласный *о* закрытый⁴, который наблюдался в говоре, по свидетельству Н. Н. Дурново⁴⁹, наряду с открытым *о*, в положении перед губно-губным *з*, перед гласным *у* или сочетанием *ву*; губно-губное *в*, известное говору в конце XIX века, наряду с *в* губнозубным⁵⁰, уступило место последнему в процессе развития говора. По данным Н. Н. Дурново⁵¹, в прошлом вместо губно-губного *в* в говоре изредка наблюдалось неслоговое *у*: *урѡс', уланг'áх, дрѡу, уаф'гѡрник*. Говор в современном его состоянии, по нашим наблюдениям, уже не знает случаев употребления фрикативного *в* губно-губного образования. Не известно губно-губное *в* и говорам деревень, расположенных поблизости от Парфенок. Не известны описываемому говору в настоящее время и случаи употребления протетического *в*, а также неслогового *у*. Аналогичное явление — утрата согласным *в* билабиального произношения — отмечена, например, П. С. Кузнецовым, в севернорусских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы⁵².

Подчеркивая, что долгие переднеязычные фрикативные согласные *ш, ж*, восходящие к общеславянским сочетаниям *ш'ч', ж'д'ж'*, а также к древнерусским *съч, зъч*, как правило, произносятся мягко, Н. Н. Дурново упоминал о единичных случаях твердого произношения долгого шипящего *ж* (*вбжжы, дрѡжжы*), замечая, что у большинства носителей говора долгое *ж* произносится мягко⁵³. Твердое произношение долгого *ж* не из-

бестно говору в современном его состоянии. В речи старшего поколения в словах с суффиксами *-щин, -щик, -льщиц, -льщик* в соответствии с долгим мягким *ш* литературного языка отмечен, как и во многих говорах Подмосковья⁵⁴, твердый *ш* нормальной длительности: *кльдафшы́к, ба́ршынъ, красі́л'шык* и т. д. Н. Н. Дурново⁵⁵ усматривал в этом следы былого твердого произношения долгих шипящих в говоре. К аналогичному выводу пришел и В. И. Чернышев⁵⁶ на том основании, что в говорах, им обследованных, были отмечены единичные случаи твердого произношения долгого *ш*. В изучаемом говоре в современном его состоянии не встретилось ни одного случая употребления в соответствии с *ш* долгим мягким литературного языка долгого твердого *ш*; не содержится упоминания о наличии в нашем говоре долгого твердого *ш* и в «Описании» Н. Н. Дурново, поэтому трудно решить, было ли известно изучаемому говору в прошлом твердое произношение долгого шипящего *ш*, или же в словах с упомянутыми суффиксами долгий мягкий шипящий подвергся сокращению и отвердел.

Мягкие переднеязычные свистящие согласные *с', з'* произносятся сейчас в говоре без оттенка шепелявости: *с'э́им, с'аво́д'н'ъ, з'э́лин', з'и́ма* и т. д. Между тем Н. Н. Дурново⁵⁷ подчеркивал, что одной из характерных особенностей нашего говора являлось шепелявое произношение мягких свистящих *с', з'*, то есть повышенная их палатальность, отмечая, однако, что подобное произношение — явление не всеобщее и распространено в разной степени только на некоторые семьи, наблюдается у некоторых лиц. Н. Н. Дурново высказывал предположение, что шепелявое произношение мягких *с', з'*, так же как и аффрикат *щ, ж'д'ж'* (*с'с'я́йим, с' с'о́гъл'на, тъя́р'ис'с'я, рос'с'ю, ис'с'о... прииззя́й, о́бз'зик...*), было значительно шире распространено в изучаемом говоре в прошлом. В. Н. Сидоров⁵⁸, характеризуя говоры западной половины бывшего Воскресенского уезда, на территории которого находилась и бывшая Ново-Петровская волость, отмечал, что мягкие согласные *с', з'*, по отдельным местам встречаются с шипящим элементом в своем образовании: *фс'а, з'эмл'а, вз'ал'и...* Но и в тех местах, где имеется шепелявость, — продолжает В. Н. Сидоров, — большинство населения не шепелявит. Шепелявое произношение мягких *с', з'* было, по-видимому, занесено в Парфенки в прошлом из деревень, где оно прослеживалось более последовательно. В настоящее время никаких следов шепелявого произношения свистящих *с', з'* (а также долгих шипящих) ни в Парфенках, ни в окружающих Парфен-

ки деревнях нет. Даже речь старшего поколения, в том числе пожилых женщин, не составляет в этом отношении исключения. Очевидно, шепелявые звуки, наблюдавшиеся спорадически уже в конце прошлого века, в процессе изменения говора под влиянием литературного языка полностью утратились.

В конце XIX века в говоре, по данным Н. Н. Дурново⁵⁹, наблюдались редкие случаи цоканья. Однако заметим, что все примеры цоканья, приведенные в монографии Н. Н. Дурново, взяты им из песен, что, по-видимому, свидетельствует о том, что для разговорной речи упомянутое явление было либо мало характерно, либо уже не характерно и в прошлом. Скорее всего, случаи цоканья, приводимые Н. Н. Дурново, были занесены в исследуемый говор из других говоров. Цоканье отмечено, например по данным С. Галкиной⁶⁰, в соседних с Ново-Петровским районах. В настоящее время изучаемый говор не имеет никаких реликтов цоканья.

Губные согласные в настоящее время, как правило, уже не подвергаются смягчению перед мягким заднеязычным *к'*, а также перед переднеязычным *т'*, возникшим в результате замены заднеязычного *к'* переднеязычным *т'* перед гласными переднего ряда: *д'эфки* — *д'эфти*, *ш'ш'эпки* — *ш'ш'эпти*. Между тем, в конце XIX века, по данным Н. Н. Дурново⁶¹, говор знал ассимилятивное смягчение губных в этом положении, хотя тенденция к отвердению губных уже наблюдалась. Твердые губные перед *к'*, *т'* появились, по-видимому, под аналогическим влиянием тех форм слов, где твердый губной находился перед твердым заднеязычным *к*. Ср.: *д'эфккъ*, *д'эфку* — *д'эфки*. Н. Н. Дурново⁶² зафиксировал наряду с произношением *д'эф'ки*, *ш'ш'эп'ки*, *кр'эп'кий*, произношение: *д'эфки*, *сл'ифки*, *патомки*. Смягчение губных в этом положении являлось, как известно, до недавнего времени орфоэпической нормой литературного языка⁶³.

Некоторые диалектные явления (особенно морфологизованные звуковые явления, но не только) относительно устойчивы, хотя и они не прослеживаются последовательно в настоящее время (колебания нормы возможны даже в речи одного и того же информатора). Таковы, например, по нашим наблюдениям, произношение (в речи всех поколений) ударяемого гласного *о* в соответствии с этимологическим гласным *а* в глаголах: *пасодит*, *плотит*, *котит*, *тош'ш'ит* (а также во всех личных формах этих глаголов настоящего времени, за исключением первого лица единственного числа), широко известное южнорусским говорам и являющееся, как известно, следствием аканья.

Устойчивым и преобладающим, как и в ряде подмосковных говоров⁶⁴, несмотря на интенсивное влияние литературного языка, является яканье в первом предударном слоге в родительном, винительном и дательном падежах единственного числа личного местоимения третьего лица мужского рода, а также в притяжательном местоимении *его*: *ѣавѣ, ѣамѣ (ун'авѣ, кн'амѣ)*, что, возможно, объясняется, помимо широкой употребительности этих местоимений, и тем, что в этих местоимениях гласный первого предударного слога постоянно находится перед твердым согласным, тогда как в других словах гласный первого предударного слога может оказываться то перед твердым (тогда по закономерностям умеренного яканья в первом предударном слоге прозвучит *а*), то перед мягким согласным (тогда по закономерностям умеренного яканья в первом предударном слоге прозвучит *и*). Ср.: *р'акá, врик'э*.

Устойчивой особенностью является совпадение гласных *о, а* в заударном неконечном слоге после твердых согласных в редуцированном гласном средне-верхнего подъема (иногда близком к образованию *ы*) в окончании именительного падежа единственного числа полных прилагательных женского рода: *ѣаснѣ^(м)ѣ избá, кудр'áзѣ^(м)ѣ б'ир'óзѣ, бидѣвѣ^(м)ѣ бáбѣ, г'лавáстѣ^(ж)ѣ л'упкѣ* и т. д., а также произношение гласного *и* на месте этимологического *а* в положении между мягкими согласными в окончании именительного падежа единственного числа прилагательных женского рода: *в'эшнѣѣ вадá, дамáшнѣѣ скатѣнѣѣ, вѣч'эр'нѣѣ парá, гар'áч'иѣѣ кроф* и т. д.

Наряду с изменениями, имеющими своим источником воздействие на изучаемый говор литературного языка, в звуковой системе говора за истекший период наблюдались также немногочисленные изменения, не связанные с упомянутым воздействием и обусловленные либо внутренними закономерностями развития звуковой системы говора, либо влиянием на изучаемый говор других говоров.

Так, например, если в прошлом в соответствии с гласным *у* литературного языка в словах с корнем *глуб* (этимология гласного *у* неясна) гласный *ы* был возможен лишь под ударением, а в безударном положении наблюдался гласный *у*: *глубѣкѣѣ, глѣбакѣ, глѣбжѣнá*; редко *глыбакѣ*⁶⁵, то с течением времени в говоре произошла унификация: в безударном положении, как и под ударением, в этих словах стал произноситься, по нашим наблюдениям, гласный *ы*: *глыбакѣ, глыбѣки грáды, глыбѣкѣѣ*

осин'йу, глыбóкъ р'акá и т. д. И только в речи наиболее образованных людей отмечены литературные формы с гласным *у*.

Твердые конечные губные наблюдались в говоре в соответствии с мягкими губными литературного языка, по свидетельству Н. Н. Дурново⁶⁶, эпизодически уже в конце XIX века. Наряду с формами: *гóлун', рун' карáн' жура́ф'* и т. д., им были зафиксированы формы: *гóлун, рун, карáн, жура́ф* и т. д. В горе в современном его состоянии, как и во многих подмосковных⁶⁷, твердое произношение конечных губных согласных преобладает. Лишь в единичных случаях мы наблюдали в конце слов мягкие губные. Отверждение конечных губных согласных, происшедшее в нашем говоре за последние пятьдесят лет, по видимому, было вызвано воздействием на изучаемый говор тех подмосковных говоров, которые характеризуются наличием твердых конечных губных согласных.

Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что большинство фонетических диалектных явлений, отмеченных Н. Н. Дурново, сохраняется до сих пор, несмотря на то, что в говоре произошли существенные изменения, вызванные прежде всего воздействием на последний норм литературного языка. Многие диалектные явления характеризуются стойкостью, но и они не прослеживаются сейчас последовательно: колебания нормы возможны даже в речи одного и того же информатора, диалектные звуковые явления сосуществуют с соответствующими явлениями литературного языка. При этом «если взаимодействующие фонетические системы, — справедливо замечает Л. И. Баранникова⁶⁸, — (в нашем случае — это система говора и система устной формы литературного языка — *Т. П.*) близки друг к другу, имеют большое количество сходных звеньев, то при переходе от старой к новой системе не развивается третьей промежуточной системы, а наблюдается последовательное вытеснение элементов старой системы новыми, приводящее к переходу на новую систему...».

Изучаемый говор утрачивает диалектные особенности сравнительно медленно и постепенно, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные факты длительного сосуществования в говоре диалектной и литературной норм.

Некоторые диалектные явления характеризуют в настоящее время только речь старшего поколения.

Ряд диалектных фонетических особенностей к настоящему времени уже утратился под влиянием литературного языка. Это по преимуществу те особенности, которые носили реликтовый характер уже в конце прошлого века.

Наряду с изменениями, имеющими своим источником воздействие на говор литературного языка, наблюдались немногочисленные изменения, не связанные с упомянутым воздействием и обусловленные либо закономерностями развития звуковой системы изучаемого говора, либо воздействием соседних диалектов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Банилово; М.-Л., 1936.

² С. С. Высокский. О говоре д. Лека. Материалы и исследования по русской диалектологии, II, изд. АН СССР, М.-Л., 1949.

³ Е. П. Луппова. Некоторые особенности изменения фонетической системы говоров северного Приволжья. (К вопросу о влиянии литературного языка на говор). Ученые записки ЛГПИ имени Герцена, т. 173, 1958.

⁴ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок, Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.

⁵ Т. Г. Паникаровская. Изменения в звуковой и морфологической системах говора деревни Парфенки за время Советской власти (По следам Н. Н. Дурново). В книге: АН СССР, Институт русского языка. Тезисы докладов на X Диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 года; стр. 24—26.

⁶ См. нашу статью «Фонетическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области». Ученые записки Вологодского пединститута, т. 22; Вологда, 1958.

⁷ Русская диалектология. Изд. АН СССР, М., 1964.

⁸ См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. Известия ОРЯС АН, т. 75, № 2, СПб, 1901; А. В. Текучев. Изучение говоров западных районов Московской области. Ученые записки Московского областного пединститута. Труды кафедры русского языка, вып. I, т. 12, М., 1948; К. А. Федорова. К истории говоров Западного Подмосковья. (Можайские говоры). Кандидатская диссертация, М., 1951; В. В. Иванов. Из истории говоров Северо-Западного Подмосковья (Волоколамские говоры). Кандидатская диссертация, М., 1953.

⁹ Н. Волков. Описание Рузского уезда. Московские губернские ведомости, 1851, № 2, стр. 225.

¹⁰ В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова. О развитии диалектов в эпоху существования русской нации. В книге: Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. АН СССР, М., 1960, стр. 22.

- ¹¹ Н. Н. Дурново. Указанное сочинение, стр. 3.
- ¹² В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова. Указ соч., стр. 22.
- ¹³ См., например, И. П. Глотова. Процесс утраты южнорусских особенностей местными говорами в результате их растворения в национальном языке (на материале Федоровского района Саратовской области). Автореферат кандидатской диссертации; Саратов, 1952, стр. 7.
- ¹⁴ Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 25.
- ¹⁵ Там же, стр. 4—5.
- ¹⁶ В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского уезда Московской губернии. Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вып. 9, Ленинград, изд. АН СССР, 1927, стр. 124.
- ¹⁷ Об этом же пишет В. И. Чагишева в статье «Взаимоотношение местных диалектов и литературного языка в Советскую эпоху. Ученые записки ЛГПИ имени Герцена, т. 152, 1958, стр. 276.
- ¹⁸ См., например, В. В. Иванов. Указ соч., стр. 469; К. А. Федорова. Указ соч., стр. 35; Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области. Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка, вып. I, М.-Л., 1947, стр. 64.
- ¹⁹ В. Г. Орлова. Говоры северо-восточной части Рязанской области. Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка, вып. 3, М.-Л., 1948, стр. 48.
- ²⁰ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. ч. I, М., 1949 стр. 80.
- ²¹ Л. Н. Булатова. Об окающих говорах Курловского и Гусьхрустального районов Владимирской области. Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка, вып. 5, М.-Л., 1949, стр. 73—74.
- ²² В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 2, стр. 181.
- ²³ Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 122.
- ²⁴ Ср. замечания А. М. Селищева о половой языковой дифференциации в деревне, обусловленной тем, что женщины в прошлом, как правило, были неграмотны и жили в деревне безвыездно (А. М. Селищев. Язык революционной эпохи; М., 1928, стр. 11—12).
- ²⁵ См., например, А. В. Текучев. Указ соч., стр. 90; В. В. Иванов. Указ соч., стр. 497; В. Н. Пахомова. Фонетическая система говора с. Кокино Каширского района Московской области. Кандидатская диссертация. Москва, 1948, стр. 168.
- ²⁶ В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда..., стр. 129.
- ²⁷ С. Галкина. Говоры Ново-Петровского района Московской области. Сборник студенческих научных работ Пензенского пединститута. Пенза, 1955, стр. 47.
- ²⁸ Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 91.

- 29 Заглавной буквой Г обозначаем «г» фрикативное.
- 30 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 77.
- 31 Там же, стр. 64.
- 32 Там же.
- 33 Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1958, стр. 82.
- 34 Н. Н. Дурново. Указ соч., стр. 65.
- 35 Там же, стр. 67.
- 36 Там же, стр. 104.
- 37 Русская диалектология, изд. АН СССР, М, 1964, стр. 91.
- 38 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 97.
- 39 См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов..., стр. 13, 37; В. В. Иванов. Указ соч., стр. 505.
- 40 См., например, В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Известия ОРЯС АН, т. 68, № 3, СПб. 1900, стр. 18; В. Н. Пахомова. Указ. соч., стр. 172; К. А. Федорова. Указ. соч., стр. 85.
- 41 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 97.
- 42 Там же, стр. 89—90.
- 43 См., например, В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 14, 34; К. А. Федорова. Указ соч., стр. 85.
- 44 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 90.
- 45 П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 223.
- 46 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 77.
- 47 Там же, стр. 88.
- 48 Там же, стр. 83.
- 49 Там же, стр. 59.
- 50 Там же.
- 51 Там же, стр. 60.
- 52 П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. Материалы и исследования по русской диалектологии, том I, М.-Л., 1949, стр. 30.
- 53 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 85.
- 54 См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов..., стр. 3, 13, 20, 26, 38; его же. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 34, 45, 80; В. Н. Пахомова. Указ. соч., стр. 46; В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 505.
- 55 Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 85

⁵⁶ В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 34, 80.

⁵⁷ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 83.

⁵⁸ В. Н. Сидоров. Описание говора западной половины Воскресенского уезда..., стр. 130.

⁵⁹ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 80, 82.

⁶⁰ С. Галкина. Указ. соч., стр. 48.

⁶¹ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 63.

⁶² Там же.

⁶³ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение..., стр. 95.

⁶⁴ Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район..., стр. 65.

⁶⁵ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 22.

⁶⁶ Там же, стр. 67—68.

⁶⁷ См., например, В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов..., стр. 3, 4, 14, 22, 29; его же. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда..., стр. 45; А. В. Текучёв. Указ. соч., стр. 90; В. В. Иванов. Указ. соч., стр. 497. По данным архивных материалов Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, твердые конечные губные, наряду с мягкими, известны говорам Можайского района (дер. Мышкино, села Глазово, Троица), Каширского (дер. Корыстово), Клинского районов Московской области; твердые конечные губные зафиксированы также в говорах Одинцовского (бывшего Звенигородского) — дер. Супонево, село Захарово — района.

⁶⁸ Л. И. Баранникова. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций. Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. АН СССР; М., 1960, стр. 25.